

Терри Пратчетт

МАЛЕНЬКИЙ СВОБОДНЫЙ НАРОДЕЦ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ПЛОСКИЙ МИР»

Москва 2016

УДК 821.111-312.9-053.6
ББК 84(4Вел)-44
П68

Copyright© Terry and Lyn Pratchett, 2003
First published as «The Wee Free Men» by Random House Children's
Publishers UK, a division of The Random House Group Ltd.
Inside artwork © Paul Kidby, 2015 — www.paulkidby.net

Серийное оформление *Дмитрия Сазонова*

Иллюстрация на переплете *Алексея Жижицы*

Фото автора на 4-й сторонке обложки:
© Marco Secchi / Gettyimages.ru

Пратчетт, Терри.

П68 Маленький свободный народец : роман из цикла
«Плоский мир» / Терри Пратчетт ; [пер. с англ. Н. Ал-
лунан]. — Москва : Эксмо, 2016. — 352 с. — (Терри
Пратчетт. Плоский мир: ведьма Тиффани Болен).

ISBN 978-5-699-81690-3

Девятилетняя Тиффани Болен не любила сказки. Вернее, не доверяла им. Почему принца непременно называют прекрасным, а принцесса глупо себя ведёт и чуть что падает в обморок? Почему всё именно так, а не иначе? Тиффани казалось: сказки просто хотят, чтобы им верили, и морочат людям головы... Но однажды, чудесным летним днём, девочка встретила на берегу реки сказочное чудовище. Оно существовало на самом деле и совершенно точно собиралось кого-нибудь съесть. Вскоре выяснилось: это чудовище не единственное... Что ж, Тиффани как раз решила стать ведьмой, значит, разбираться с такими вещами — её забота. Ведь ведьма совсем не обязательно должна быть старой и злой!

Книга — лауреат премии Locus Award в номинации Young Adult Novel.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9-053.6
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-81690-3

© Аллунан Н., перевод на русский язык, 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Глава 1

ШАНДАРАХ СО ЗВОНОМ

Прежде чем что-то начнётся, начинается что-то ещё.

Летний ливень, похоже, не знал, что он летний, и рушился на землю с яростью зимней бури.

Констанция Тик сидела возле полуразрушенной изгороди, дававшей ей сомнительное укрытие от непогоды, и исследовала Вселенную. На дождь она не обращала внимания. Ведьмы сохнут быстро.

Исследование Вселенной производилось при помощи двух палочек, связанных между собой тонкой бечёвкой, камешка с дыркой посередине, яйца, чулка Констанции Тик (тоже дырявого), булавки, клочка бумаги и крошечного огрызка карандаша. В отличие от волшебников ведьмы умеют обходиться малым.

Констанция Тик соорудила из упомянутых предметов, затейливо связав и перепутав их, некое... при-

способление. Когда она осторожно коснулась его, вещицы странным образом задвигались. Карандаш прошёл сквозь яйцо, не повредив его и не оставив следа.

— Да, — негромко сказала Констанция. Дождевая вода потоками хлестала с полей её шляпы. — Так и есть. Границы мира колеблются. Очень тревожный знак. Возможно, иной мир пытается проникнуть сюда. Такое добром не кончится. Я должна быть там. Но... мой левый локоть говорит, в тех краях уже есть ведьма.

— Ну, так значит, она со всем и разберётся, — раздался тоненький голосок. Он доносился откуда-то из-под ног ведьмы, а обладатель его до поры останется загадкой.

— Нет, — возразила Констанция. — В той стороне — Меловые холмы. Мел, известняк — он многим лучше глины. А чтобы вырастить хорошую ведьму, нужна надёжная опора, хорошая, крепкая скала. — Она покачала головой, и с полей шляпы хлынули новые водопады. — Но мои локти ещё никогда не обманывали меня¹.

— Что толку гадать? Давай отправимся туда и посмотрим, — предложил голос. — Всё равно ведь здесь у нас дела не очень-то ладятся.

Это была правда. На равнинах ведьмам приходилось несладко. Констанция Тик зарабатывала тут жалкие гроши, помогая местным жителям исцелить-

¹ Люди говорят: «Послушай, что говорит твоё сердце». Ведьмы умеют прислушиваться и к другим органам. Просто паразитально, что могут рассказать, скажем, почки. (Примеч. автора)

ся от мелких недугов и предсказывая, что кому не суждено¹. Ночевать ей чаще всего приходилось в сараях. Дважды её бросали в омут.

— Но если там есть ведьма, я не имею права вмешиваться, это её земля, — сказала Констанция. — Впрочем... ведьмы ведь не возникают на пустом месте. Ну-ка, посмотрим...

Достав из кармана надколотое блюдце, она наклонила голову, чтобы наполнить его дождевой водой с полей шляпы. Затем извлекла из другого кармана бутылочку чернил и аккуратно добавила в блюдце ровно столько тёмной жидкости, сколько требовалось, чтобы вода почернела. Прикрыв блюдце сложенными чашечкой ладонями, чтобы не попадали капли дождя, ведьма прислушалась к тому, что говорили её глаза.

Тиффани Болен лежала на берегу реки и, свесившись к воде, щекотала форель. Ей нравилось, как смеются форели. Когда они хихикают, у них изо рта вылетают пузырьки.

Чуть в стороне, там, где начиналось что-то вроде небольшого галечного пляжа, её брат Винворт играл с липовым прутиком и наверняка сам быстро становился липким.

Винворт всегда делался липким, с чем бы он ни возился. Можно было вымыть его, оставить посреди

¹ В отличие от обычных гадалок, которые говорят вам то, что вам хочется услышать, ведьмы говорят, что ждёт вас в будущем, не важно, нравится вам такая судьба или нет. И хотя предсказания ведьм намного точнее, как ни странно, они пользуются куда меньшим успехом. *(Примеч. автора)*

идеально чистой комнаты и не сомневаться, что через пять минут этот ребёнок будет липким снова. Не то чтобы он пачкался. Просто становился липким. Но присматривать за ним было совсем нетрудно, главное — не позволять ему есть лягушек.

Тиффани щекотала форель и думала о нескольких вещах сразу. Например, о собственном имени. Ей было девять лет, и в последнее время ей стало казаться, что с таким именем, как Тиффани, ей придётся нелегко в жизни*¹. Кроме того, как раз на прошлой неделе она решила стать ведьмой, а что это за ведьма, которую зовут Тиффани? Куры засмеют.

В то же время другая, значительно большая часть Тиффани была поглощена размышлениями о том, что такое «шушуканье». О таких вещах люди нечасто задумываются. Тиффани щекотала форель под нижней губой, а сама всё крутила в голове это загадочное «шушуканье».

Шушукать... Шу-шу-шу... В бабушкином словаре говорилось: «Шушукаться — говорить очень тихо, шёпотом». Тиффани нравилось это «шу-шу-шу», нравился его привкус. Стоит покатать его на языке, и представляются загадочные люди в чёрных балахонах, обсуждающие свои секреты за закрытыми дверями. «Шу-шу-шу, шу-шу-шу, шу-шу-шу...»

Словарь она прочла от корки до корки. Никто ведь не говорил, что нельзя.

Тут она заметила, что счастливая форель куда-то уплыла. Зато река принесла кое-что другое. И оно

¹ Пояснения к словам, помеченным *, см. в конце книги. (Примеч. ред.)

плыло по воде всего в нескольких дюймах¹ от лица Тиффани.

Это была круглая корзинка размером не больше половинки кокоса, высланная изнутри чем-то таким, что не пропускало воду. В корзинке стоял крошечный человечек, ростом дюймов шесть. Его ярко-рыжую всклокоченную шевелюру украшали несколько бусин, перьев и лоскутков. Борода, такая же рыжая, выглядела не лучше шевелюры. Человечек был весь покрыт синими татуировками, за исключением, может быть, того небольшого, что скрывалось под маленьким килтом. И этот человечек грозил Тиффани кулаком и вопил:

— Раскудрить! А ну брыкс, ты, глуха-тупа малмалюха! Берегайся зелён-бошки!

С этими словами он потянул за верёвку, свешивавшуюся через край корзинки в воду, на поверхность вынырнул второй маленький человечек и стал жадно глотать воздух.

— Потом порыбаришь! — крикнул первый. — Зелён-бошка плюхс прям сюда!

— Раскудрить! — завопил ныряльщик. — Драпс-драпс!

Он схватил крохотное весло и принялся проворно грести им. Корзинка устремилась прочь.

— Простите! — окликнула Тиффани. — Вы — эльфы?

Ответа не последовало. Маленькая круглая лодка скрылась в камышах.

«Наверное, это значит нет», — подумала Тиффани.

¹ 1 дюйм равен 2,54 сантиметра. (Примеч.ред.)

И вдруг, к её ужасу и восторгу, мир наполнило «шу-шу-шу». Ветра не было, но осины на берегу задрожали и зашелестели. И камыш тоже. Ветви и стебли не согнулись, зато сделались расплывчатыми, будто от мелкой и быстрой дрожи. Всё вокруг потеряло ясность очертаний, как если бы кто-то взял и принялся трясти мир. Воздух шипел, как газировка. Шёпот за закрытыми дверями...

Вода у самого берега запузырилась. Тут было совсем мелко, по колено Тиффани, но теперь река сделалась темнее, зеленее и каким-то образом гораздо глубже...

Тиффани попятилась, и едва она успела отступить на пару шагов от берега, как из воды взметнулись длинные тощие руки и хищные когтистые пальцы сомкнулись на том самом месте, где она стояла минуту назад. На мгновение показалось костлявое лицо с длинными острыми зубами и огромными круглыми глазами, мелькнули зелёные, похожие на тину волосы — и тварь снова скрылась под водой.

Вода ещё не сомкнулась над головой чудовища, а Тиффани уже выбежала на маленький пляж, где Винворт увлечённо лепил пирожки с лягушками. Она схватила брата, и в тот же миг у кромки берега показались первые пузырьки. Снова вода вспенилась, зеленоволосая тварь выскочила из неё, как пробка, и длинные руки вцепились в прибрежную грязь. Никого не поймав, чудовище пронзительно взвыло и рухнуло обратно в воду.

— Хо-тю пи-пи а-а! — заявил Винворт.

Тиффани не обратила на него внимания. Она смотрела на реку и размышляла.

«Мне совсем не страшно, — думала она. — Вот ведь странно. Я должна быть напугана, а я только сердита. Нет, страх есть, я чувствую его, словно раскалённый докрасна шар где-то глубоко внутри, но злость не даёт ему вырваться наружу».

— Винни пи-пи-а-а, пи-пи-а-а! — заголосил Винворт.

— Ладно, пошли, — рассеянно сказала Тиффани.

По воде всё ещё расходились круги, мелкие волны бились о берег.

Не было смысла пытаться рассказать кому-нибудь. Взрослые ответят лишь: «Ох уж эти детские фантазии!» — если пребывают в хорошем настроении, или: «Что ещё за глупые выдумки?!» — если не в духе.

Злость Тиффани не проходила. Да как посмело это страшилище объявиться в реке? Тем более такое... такое... нелепое! Оно что, не знает, кто она такая?

Она — Тиффани, и она возвращается домой. Взгляните. Начнём с башмаков. Башмаки на ней большие и тяжёлые, чиненные-перечиненные отцом и ношенные-сношенные всякими разными сёстрами. Тиффани приходится поддевать в них несколько пар носков. Башмаки и правда большие. Порой у Тиффани возникает ощущение, будто она живёт на свете только для того, чтобы башмаки могли перемещаться с места на место.

Теперь платье. До Тиффани его носило множество сестёр, и её мать столько раз ушивала, расшивала и перешивала его, что совершенно зашила и от платья мало что осталось. Но Тиффани оно даже нравится. Длиной оно до середины лодыжек. Его изначальный цвет давно забылся, к Тиффани оно по-

пало бледно-голубым, — кстати говоря, точь-в-точь как бабочки, порхающие сейчас над травой вдоль тропинки.

Теперь лицо Тиффани. Розовое, с карими глазами и каштановыми волосами. Ровным счётом ничего особенного. Правда, кому-нибудь — например, тому, кто стал бы разглядывать Тиффани при помощи блюда, наполненного тёмной водой, — могло показаться, что голова у девочки несколько великовата, учитывая её рост и прочее. Но, возможно, голова ей досталась на вырост.

А теперь дальше, ещё дальше, и вот уже тропинка — всего лишь узкая лента далеко внизу, а Тиффани с братом — две крошечные точки, ползущие по ней, и видно окрестные земли...

Эти края люди называют Меловыми холмами*. Холмы мирно лежат, греют округлые зелёные спины в лучах летнего солнца. Стада овец, щиплющие невысокую травку, сверху кажутся белыми облаками, медленно плывущими над зелёным морем. Там и тут, словно кометы, проносятся овчарки.

А если отодвинуться ещё дальше, виден огромный, вытянутый курган. Он разлэгся на поверхности мира, будто зелёный кит...

...а вокруг него темнеет окрашенная чернилами дождевая вода в щербатом блюде.

Констанция Тик подняла глаза.

— Эти человечки в лодке были Нак-мак-Фигли!* Самые опасные из всех волшебных существ! Даже тролли бегут без оглядки, если им встретится маленький свободный народец! А один из них предупредил её!

— Так значит, она ведьма, верно? — заключил голос-невидимка.

— В таком-то возрасте? Быть этого не может! — отрезала Констанция. — Там нет никого, кто мог бы её обучить. На Меловых холмах ведьмы не живут. Мел слишком мягок. Но всё же... она не растерялась.

Она посмотрела на Меловые холмы, парящие вдалеке над низкими, выжатыми досуха облаками.

— За малышкой необходимо присмотреть, — сказала она. — И всё-таки мел слишком мягок, чтобы на нём могла вырасти ведьма...

Выше холмов были только горы. Острые, лиловые и серые, вздымались они к небесам, и длинные белые шлейфы снега стекали с их вершин даже летом. «Невесты неба», — сказала как-то о них бабушка Тиффани, которую все звали матушка Болен, и это было такое неслыханное дело, чтобы бабушка заговорила вдруг о чём-то, никак не касающемся овец, что её слова врезались девочке в память. Кроме того, точнее ведь и не скажешь. Именно так выглядят горы зимой, когда они все облачены в белое и снежные вихри реют над их плечами, словно фата.

Бабушка любила старинные слова и произносила их на причудливый старинный манер. Так, она никогда не говорила «Меловые холмы», она говорила: «Холмовье». «В Холмовье ветру приволье», — подумала как-то Тиффани, и так это слово ей и запомнилось.

Вот Тиффани с братом и на ферме. Обычно девочка была предоставлена сама себе. Не то чтобы родные избегали её или хотели обидеть, просто на